

В. Одоевский

Мнемозина

**Собрание сочинений в стихах и
прозе. Часть 3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
В11

В. Одоевский
В11 Мнемозина: Собрание сочинений в стихах и прозе. Часть 3 / В. Одоевский –
М.: Книга по Требованию, 2013. – 206 с.

ISBN 978-5-458-24493-0

Литературный альманах, издававшийся В. Ф. Одоевским и В. К. Кюхельбекером в Москве в 1824 1825 годах. В третьей части впервые напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Мой Демон». Всего вышло в свет 4 выпуска.

ISBN 978-5-458-24493-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

ЧЕТЫРЕ АПОЛОГА.

(Посвящены *Варваръ Ивановичъ Ланской*).

I.

ДЕРВИШЪ.

Дорога была излучиша — она раздѣлялась на неисчислимое множество пропастей, которыя по спускалися въ глубокія пропасти, по поднималися по стремнинамъ. Густой мракъ покрывалъ вселенную; колючія тернія впивалися въ ноги несчастныхъ странниковъ: они спотыкалися — а бездны разверзалися подъ ними, а огромныя нависшія скалы при малѣйшемъ шорохѣ грозили паденіемъ.

Впереди всѣхъ шелъ Дервишъ; многіе слѣдовали по пути имъ проложенному, другіе шли по инымъ путямъ; одни благословляли его: колючія тернія, подавленныя смѣлою стопою Дервиша, не являли ихъ болѣе;
Мнимозина. Часть III. 1

свѣтильникъ въ рукѣ его обличалъ предъ ними и мрачныя бездны и грозныя скалы; большая жь часть проклинали его: одни завидовали его свѣтильнику, другіе роптали, за чѣмъ идетъ онъ не путемъ *или* избраннымъ, за чѣмъ не для *нихъ* попираетъ тернія, не *или* освѣщаетъ. Иныхъ же обманывалъ *издалека* мерцавшій свѣтильникъ — они соврацались съ собственнаго пути, не попадали на путь Дервиша и низвергались въ пропасти.

Дервишъ не внималъ ни благословеніямъ, ни проклятіямъ; холодный, безспиритный не прижмалъ спона ниспадающихъ: не для освѣщенія ничтожной толпы несъ онъ свѣтильникъ, не для нее подавлялъ тернія: взорамъ, воображенію, уму, всѣмъ чувствамъ, всѣмъ движеніямъ души его — представлялася цѣль, къ которой онъ стремился. — Для нее позабывалъ онъ все подлунное — и если вспомоществовалъ своимъ спутникамъ, то потому только, что не могъ къ ней стремиться — и въ тоже время не подавлялъ терній, не освѣщаетъ свѣтильникомъ.

Мудрый! — ужель добродѣтели простоятина цѣль твоихъ дѣйствій? — Тогда бессмысленная, приравнивая тебя къ себѣ,

мщеть въ тебѣ сихъ добродѣтелей, слѣпой
 взоръ ея не замѣчаетъ.... Но не твоя ли
 добродѣтель возвышеннѣе всѣхъ прочихъ?—
Совершенствованіе!—Добродѣтель мудраго! —
 ты, въ которой поглощаются и благопво-
 рительность и милосердіе и любовь къ
 ближнему! — Онъ не можетъ спремиться
 къ тебѣ и въ тоже время не быть мило-
 сердымъ, не благотворишь человѣчеству,
 но ты—единая цѣль пламеннаго его стрем-
 ленія!

2.

СОЛНЦЕ И МЛАДЕНЕЦЪ.

Солнце скатилось за холмы. — Младенецъ сидѣлъ у двери въ хижину; возвышенныя мысли при видѣ торжественной картины вечера не возбуждались въ душѣ его — что великое могло ей быть знакомо? — Лишь безпечно любовался онъ, смотря какъ послѣднія багряныя лучи солнца золотили окна, соломенные кровли хижины и попускившіе колокола полуразвалившейся церкви — онъ не понималъ и не искалъ причины этого явленія, но оно ему нравилось.

„Доброе солнышко!“ — сказалъ старый отецъ его, взглянувъ на младенца, — „доброе солнышко! — повторилъ онъ, — ты и людямъ благопворишь и забавляешь малюшку.“

— За что ты хвалишь солнце, отецъ мой? — спросилъ младенецъ.

Старецъ улыбнулся. „Какъ не хвалить его? Смотри: теперь все зашло въ де-

ревнѣ, даже листь на деревѣ не шелохнется, и голуби перестали ворковать на колокольнѣ — все уснуло, но завтра вспрянетъ солнце, и всѣхъ пробудитъ, согрѣетъ, освѣтитъ; не будь его и мы всѣ спали бы сномъ непробуднымъ.“

Есихъ словъ не забылъ младенецъ; на другой день еще едва начинало свѣтать — а онъ уже стоялъ у двери хижины и съ неперпѣніемъ ожидалъ восхода солнечнаго.

Солнце взошло, но густые туманы скрывали лице его; между тѣмъ все ожгло, вострепунулось, раздался первый ушренный шумъ....

Улыбка слабоумнаго негодованія разлилася по лицу младенца. „Какую же неправду сказала опецъ мой!“ — воскликнулъ онъ: „солнце сего дня и не думало всходить, а никакъ о немъ и не заботится, все по прежнему идетъ своимъ чередомъ.“

Возвышенныя утѣшванія Геміель — друзей человѣчества! сколь ничтожны вы въ глазахъ простолюдина! Онъ окруженъ вашими благодушельными дѣйствіями: безъ васъ и мразъ бы оледѣнилъ его тѣло, иракъ ослѣпалъ бы его; вамъ обязанъ онъ и сво-

имъ покоемъ, и довольствомъ и всѣми прелестями жизни; — даже минутнымъ; — но туманы предразсудковъ скрываютъ васъ отъ глазъ его; — онъ безопасно наслаждается благами, вами производимыми, и не ищетъ ихъ начальной причины; слабый, онъ смѣется, когда мудрый говоритъ ему, что вы единая вина его счастья!

~~~~~

Два Мага вызвались исполнить Царскую волю — и казначейство выдалъ несчепиныя суммы для вспомоцествованія ихъ успіямъ.

Прошело полѣка. — Одинъ изъ Маговъ не щадилъ трудовъ своихъ, призывалъ на помощь всѣ силы искусства и природы, день и ночь погруженный въ размышленія надъ древними свитками, онъ пожертвовалъ всѣми наслажденіями жизни для цѣли высокой и наконецъ достигнулъ ее. Другой напрошивъ, погрязнувши въ земныхъ увеселеніяхъ, не думалъ о порученномъ, и безпечно расточилъ казну Царскую и юное здравіе.

Испощенный, съ блѣднымъ лицемъ, измученный болѣзнями, входитъ онъ въ храмину своего соперника, видитъ сосудъ съ драгоценнымъ пишемъ, приближается и — опрокидываетъ его.

„Пусть“ восклицаетъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва: „пусть вѣкъ не прервутся мои оправданія; пусть и родъ человѣческій лишится надежды на вѣчное счастье; но не будешь кичиться мой соперникъ!“

Такъ невѣжество во прахъ обращаетъ всѣ успія мудраго! — Пусть не воспользуюсь ими, говоритъ оно, — но я и не буду одолжено ему благодарностію, — не возвысится оно предо мною.

4.

АЛОГІЙ И ЕПИМЕНИДЪ.

Съ гасильникомъ въ рукѣ , съ закоренѣлою злобою въ сердцѣ , съ низкою робостию на челѣ , Алогій прокрался въ хранину, гдѣ Епименидъ, при мерцающемъ свѣтѣ лампы, изучался премудрости, куда сами Боги сходили къ нему бесѣдовать.

Алогій видитъ лампаду; безсмысленный думаетъ , что она единственная вина мудрости Епименидовой , приближается и — препещущею рукою гаситъ ее; но пламя, пылавшее въ лампадѣ, было пламя божественное , самъ Аполлонъ возжигалъ его ; не погасло оно отъ нечистаго прикосновения Алогія; — но болѣе возгорѣлось , заклокотало , охватило всю хранину , въ прахъ обратило ничтожнаго — и снова тихо взвилось на лампадѣ.

Невѣжды-гасильщики ! уже ли ваши незаконныя усилія погасятъ божествомъ.

ный пламень совершенствованія? — еще болѣе возгорится оно отъ нечислѣнныхъ покушеній вашихъ, грозно истребитъ васъ и съ вашими ковами и опять запышетъ съ прежнею силою.

О д а е к .

